

Ли Хуайчэнь не умел ладить с детьми:

— ...Что-то случилось?

Ли Шаша серьезно ответил:

— Я беспокоюсь за папу. Я хочу поехать к нему.

Услышав это, Ли Хуайчэнь смягчился. Он погладил мальчика по голове и тихо произнес:

— Не забивай себе голову. Он звонит тебе каждый день.

Успокоив ребенка парой слов, Ли Хуайчэнь поднялся, собираясь в компанию.

Ли Шаша ухватился за край его пиджака и задал самый главный вопрос:

— Мне сейчас очень беспокойно на душе. Можно мне пойти в школу на пару дней позже?

— ...

Ли Сяньфу предпочел бы узнать правду на пару дней позже.

Около девяти часов утра этап свободного творчества завершился. По дороге к месту сбора Ли Сяньфу увидел Цинь Цзиня. На душе у него стало беспокойно: казалось, любое его действие теперь отдавало намеренностью.

К счастью, когда участники собрались вместе, Цинь Цзинь — возможно, чтобы избежать сплетен — почти не контактировал с ним.

Участники один за другим подписывали свои картины и выкладывали их на стол. Ли Сяньфу намеренно подошел последним и положил свой рисунок лицом вниз.

Чжоу Паньбай из-за своих сомнительных сделок с судьей Фаном застегнула рубашку на все пуговицы, боясь выдать скрытые под ней красные пятна.

Должно быть, из-за беспорядочной личной жизни ее белки при ближайшем рассмотрении казались мутноватыми, но сейчас, предвкушая скорый триумф, они смехотворно заблестели.

Судья Фан пребывал в точно таком же расположении духа. Недавняя злость улетучилась при мысли о том, что наконец-то представился шанс выместить обиду, и на душе у него похорошело.

Однако радость испарилась в одно мгновение. Когда он перевернул картину Ли Сяньфу, пухлые пальцы судьи Фана судорожно сжались, отчего бумага жалобно хрустнула.

Осознав, что теряет самообладание, он поспешно выровнял дыхание, но взгляд его то и дело невольно косился в сторону Цинь Цзиня.

Участники, сдавшие свои работы, сидели в стороне и не могли видеть, что изображено на холсте. Заметив реакцию судьи Фана, они с изумлением гадали, что же такого нарисовал Ли Сяньфу, раз это повергло члена жюри в такой шок.

Рисунок передали следующему. У судьи Чжао, который прежде потворствовал проделкам Фан Юаньцзяня, лицо тоже помрачнело... Разве это не была открытой демонстрацией силы?

Судья Чжао быстро забежал глазами, размышляя о том, что в повседневной жизни Ли Сяньфу и Цинь Цзинь почти не общались. Оказывается, они скрывали свои отношения куда глубже, чем казалось.

Но если отбросить все тревожные мысли, картина сама по себе просилась в коллекцию. Созданная художником атмосфера позволяла даже полному профану прочувствовать увядание и возрождение. Грустная, но лишенная скорби, при долгом созерцании она передавала зрителю скрытую внутреннюю стойкость.

Судья Чжао на пару секунд застыл, глядя на полотно, и невольно пробормотал:

— Прекрасная работа.

Двое иностранных судей вытянули шеи и, едва взглянув на рисунок, рассыпались в щедрых похвалах.

Равнодушным остался лишь судья Фан. Искусство его мало заботило — своим положением он был обязан исключительно покровительству отца. Первое оцепенение прошло, и он инстинктивно попытался занять позицию оскорбленной добродетели, чтобы спросить Ли Сяньфу, почему тот сделал спонсора героем своей картины.

Чем больше он размышлял над этим, тем более удачной казалась идея. Так другие участники наверняка заподозрят неладное, да и сам он в будущем сможет раздуть из этого скандал, чтобы спасти лицо.

Но едва судья Фан собрался дать волю гневу, как раздался ледяной голос:

— Превосходными картинами, разумеется, нужно любоваться вместе. Будьте так любезны, судья Фан, оцените эту работу при всех.

В этих словах не было прямого обвинения, но от них повеяло могильным холодом.

Поняв, что его опередили, судья Фан с трудом сглотнул.

Цинь Цзинь подошел, взял картину и развернул ее так, чтобы каждому было видно.

Разглядев, кто изображен на холсте, участники округлили глаза. Одни косились на Ли Сяньфу, другие — на Цинь Цзиня, и лишь Чжоу Паньбай испуганно бегала глазами.

— Что это значит, господин Цинь? — наконец обретя дар речи, сухо выдавил судья Фан. — Пожалуйста, не вмешивайтесь в процесс судейства.

— Вмешиваюсь? — Цинь Цзинь словно посмаковал это слово. В его мимолетной улыбке скользнуло нечто зловещее. Взгляд мужчины, подобно лезвию ножа, опустился на Чжоу Паньбай — точнее, на ее воротник. Уголки его губ поползли вверх еще заметнее: — Похоже, судья Фан предпочитает искать искусство непосредственно на теле участников.

Цинь Цзинь обычно был суров и неразговорчив, и те редкие моменты, когда он улыбался, вызывали лишь тревогу.

Намек был более чем прозрачным, и присутствующие мгновенно все поняли.

Чжоу Паньбай порывалась было резко возразить, но, поскольку ранее действительно одарила судью лаской, сейчас просто не смела раскрыть рта, чтобы оправдаться.

Цинь Цзинь всегда действовал жестко и решительно. Он быстро подошел и бесцеремонно схватил Чжоу Паньбай за воротник.

Силы были слишком неравны. Чжоу Паньбай, сама по себе невысокого роста, затрепыхалась, точно пойманный цыпленок, едва отрывая носки от земли. От этого резкого движения пуговицы на ее воротнике расстегнулись, обнажив скрытые доселе багровые засосы.

Окружающие тут же посмотрели на нее с презрением.

— Это я попросил Ли Сянфу написать эту картину, — обратился Цинь Цзинь к судье Фану. — Хотелось посмотреть, как нелепо ты будешь ерзать на своем стуле.

Услышав это, судья Фан мгновенно обмяк, понимая, что его многолетней карьере в искусстве пришел конец.

Не удостоив и взглядом сползающего по стулу мерзавца, Цинь Цзинь повернулся к остальным членам жюри:

— Надеюсь, дальнейшее оценивание пройдет в атмосфере абсолютной честности.

Судья Чжао среагировал первым, согласно закивав головой.

— Продолжайте.

Счастье привалило слишком внезапно!

Судья Фан просиял, решив, что ему дают второй шанс. Он принялся поспешно уверять всех, что лишь допустил слабость в личной жизни, но у него и в мыслях не было подтасовывать результаты конкурса.

Цинь Цзинь промолчал, никак это не прокомментировав.

Ли Сянфу молча наблюдал за утирающим холодный пот судьей Фаном, пряча усмешку в глубине глаз.

Оценивание возобновилось. Мо Ицзин негромко заметила:

— Господин Цинь действительно благородный человек. Любой другой на его месте наверняка закрыл бы на все глаза.

Ю Фан с сожалением вздохнул:

— Жаль только, что этого судью не вышвырнули отсюда прямо сейчас.

Впрочем, он прекрасно понимал, что крупные дельцы всегда расчетливы. То, что Цинь Цзинь зашел так далеко, уже было достижением. После подобной выволочки судья Фан вряд ли посмеет и дальше творить беззаконие.

Откуда Ю Фану было знать, что Цинь Цзинь не стал добивать мерзавца на месте лишь потому, что за его спиной стоял Ли Сянфу, задумавший устроить судье Фану куда более болезненное падение — такое, после которого тот уже никогда не оправится.

Остальные конкурсанты молчали, но демонстративно отодвинули свои стулья подальше от Чжоу Паньбай.

Просидев в оцепенении около минуты, Чжоу Паньбай не выдержала позора, вскочила с места и бросилась вон.

Не обращая внимания на косые взгляды прохожих, она бежала без оглядки, пока кровь не зашумела в ушах.

Все кончено. Все пошло прахом.

Она пожертвовала стольким, растоптала собственную гордость — и всё ради того, чтобы лишиться всего из-за пары брошенных слов?

От переизбытка чувств и палящего солнца в глазах у нее потемнело, и она без чувств повалилась навзничь.

Бог знает сколько времени прошло, прежде чем до ее обоняния донесся резкий запах дезинфицирующих средств. Чжоу Паньбай открыла глаза и обнаружила, что лежит под капельницей.

Палата находилась неподалеку от стойки регистрации, и до нее долетали приглушенные голоса медсестер. Хотя они и говорили шепотом, она могла разобрать отдельные фразы:

— Ну и слабое же здоровье у этих городских.

— И не говори. Тот, которого привезли после обеда, оказывается, падает в обморок от вида наготы! Симптомы куда серьезнее, чем при боязни крови, доктор Тан прямо обомлел.

— Да уж, даже у красавчиков болячки не как у простых смертных.

Чжоу Паньбай безучастно смотрела на мерно капающую жидкость. Ярость в ее груди росла с каждой каплей. Спустя какое-то время, приняв решение, она медленно разжала кулаки, и на нее снизошло пугающее спокойствие.

Под грозным надзором Цинь Цзиня оценивание работ в рамках свободного творчества прошло предельно непредвзято.

После того как Чжоу Паньбай выбыла из конкурса, а Цинь Цзинь взял на себя ответственность за картину, объяснив ее создание желанием проучить судей, присутствующие перестали строить домыслы об их отношениях. Объективно говоря, мастерство Ли Сяньфу действительно было на высоте, и соперники могли лишь порадоваться, что не оказались с ним в одной группе.

Всего за один день произошло слишком много событий. Вернувшись вечером в гостевой дом, Ли Сяньфу ожидал, что свалится от усталости, но вместо этого почувствовал необычайный прилив сил.

Сегодня в деревне отмечали Праздник Молений. У каждого дома горели фонари, а на улицах и в переулках царил праздничное оживление.

Ли Сяньфу не пошел развлекаться. Он справедливо рассудил, что Цинь Цзинь тоже останется дома. Поколебавшись, он решил наконец поговорить с ним с глазу на глаз о Цинь Цзяюй: взаимные недомолвки и прощупывание почвы затянулись и потеряли всякий смысл.

Все приезжие разместились по соседству, и дом, где остановился Цинь Цзинь, находился совсем близко. Ли Сяньфу уже поднял руку, чтобы постучать, как вдруг заметил, что дверь

приоткрыта.

Хозяева давно ушли с детьми на Праздник Молений, и в тихом дворе светилося лишь одно окно.

Не найдя выключателя, Ли Сянфу в темноте поднялся по лестнице. Стоя перед дверью комнаты, он несколько раз заносил руку для стука и опускал ее обратно, поддавшись необъяснимому сомнению. И пока он колебался, дверь распахнулась сама.

Цинь Цзинь, очевидно, только что вышел из душа: на его плече висело полотенце, а с мокрых волос еще капала вода.

Опершись рукой о дверной косяк, он небрежно спросил:

— Что за важное дело заставило тебя топтаться под моей дверью в такой поздний час?

Ли Сянфу крепко сжал губы.

Цинь Цзинь пристально разглядывал его несколько мгновений, затем развернулся, взял со стола стакан воды и сделал глоток.

<http://bllate.org/book/18300/1756968>